Первое, что осознает Курама, столько времени мечтавший только о черном, - это ощущение, которое он не может вспомнить, когда-либо испытывал раньше.

Есть очень мало вещей, которые, как он может утверждать, он никогда не испытывал. До недавнего времени к ним относилась защита - желание оградить что-то от того, что может ему навредить. Его братья и сестры никогда не нуждались в защите, и до нескольких лет назад не было ничего, о чем бы он заботился настолько, чтобы пытаться защитить. Но это нечто иное: сила, вливающаяся в него из какого-то внешнего источника, знакомого источника, но Курама не может понять, почему она ему знакома.

Если бы он не знал лучше, то сказал бы, что это чакра, что просто смешно. Курама - хвостатый зверь. Даже с половиной своей энергии Курама имеет столько же скрытой чакры, сколько Шукаку в хороший день. Ему никогда не требовалось больше.

Но потом он вспоминает.

Он помнит, как его внутренности восставали против него, как он заставлял их сжаться, чтобы его набор не увидел, и от этого становилось только хуже, потому что это была его вина, его ошибка и его ненависть, из-за которой ему было больно, и чем больше он заботился, тем невыносимее это становилось, и тем больше он начинал чувствовать то, что поклялся никогда не делать. Сожаление.

Курама сожалеет о смерти Минато Намикадзе и Кушины Узумаки.

Не потому, что они были ему дороги, а потому, что их смерть означала, что у его питомца никогда не было семьи, не было дома, не было людей, которые могли бы учить его, направлять и заботиться о нем так, как он того заслуживал.

Может, он и не любил Кушину, а Минато и того меньше, но он знает, что они бы любили его питомца больше всего на свете, потому что как же иначе?

Он не знает, почему сейчас возвращается в сознание: сколько чакры он выбросил, не удивлюсь, если он пролежал в спячке несколько лет, если вообще когда-нибудь очнется.

Но теперь его чувства проясняются, и да, это чакра, которую он чувствует, медленно, но верно просачивается сквозь него. Не просто чакра, а чакра его комплекта.

Что, как уверен Курама, совершенно точно невозможно.

Он моргает, открывая глаза, и с большим трудом заставляет себя сфокусировать взгляд на чакре.

Воздух кажется другим, более теплым и открытым. Курама настолько привык к застою, что мягкое движение ветра вокруг него пугает его почти так же сильно, как и отчетливый запах зелени в воздухе, который должен пахнуть только водой и железом.

Когда его глаза привыкают к свету, первое, что он видит, - это его набор, сидящий в воде совсем недалеко от земляного ложа, на котором он свернулся калачиком и которое он не помнит, чтобы было там раньше. На одно душераздирающее мгновение Курама вспоминает Мудреца Шести Путей, медитирующего на зазубренных скалах у старого узла мира. Маленький светловолосый мальчик сидит, сцепив руки и закрыв глаза, по его телу бегут линии, которых, как знает Курама, раньше здесь не было.

Ворот нет. Прутья клетки не открыты, не запечатаны, не приоткрыты - они исчезли совсем.

Мальчишка выглядит усталым, постаревшим, и Курама задумывается, не спит ли он, может быть, даже действительно мертв.

~Рыбный пирог? ~ спрашивает он, чтобы убедиться, что это не то, что ему привиделось.

Глаза мальчишки распахиваются и смотрят на него: дикие голубые радужки с красными ободками, измученные. На секунду он изумленно моргает, а потом эти глаза начинают опасно увлажняться. Первое, что приходит Кураме в голову, - о, черт, только не водопровод, - и тут котенок с рекордной скоростью поднимается на ноги и со всей силой крошечного урагана обрушивается на рыло Курамы. Курама обхватывает его рукой, чтобы уберечь, но оказывается, что он не нуждается в поддержке - он сильнее, чем был, более твердый, и как, черт возьми, это произошло?

~Easy Kit. Что происходит? ~ устало произносит он, оглядывая странное новое место, в котором он оказался, больше не похожее на ту тюрьму, которую он помнит. Он откидывается на спинку кресла, рассматривает новые линии, проходящие по рукам и шее мальчика, изменения в чакре вокруг него и меняет вопрос. ~Что ты сделал?

Наруто широко улыбается и потирает затылок в нервном тике. Его глаза все еще влажные. "Это долгая история".

Курама протягивает коготь, чтобы смахнуть слезы с глаз своего питомца, не любя их там. ~Тогда начни с самого начала.

Наруто делает глубокий вдох и начинает.

К концу сказки Курама меньше всего удивлен. Он знал, что его Кит - нечто иное, знал, что он способен на такое, на что большинство других шиноби никогда бы не решились, но такое? Если

бы Курама не видел правды в каждом предложении, произнесенном этим мальчишкой, когда он бредил о бурях, духах и собирании костей, он бы не поверил ни единому слову.

Но с другой стороны, у этого мальчишки всегда был талант удивлять его.

~Курама прервал его, когда Наруто подошел к концу своего объяснения. ~Ты проник в секцию Анбу архива Конохи, не попавшись, бежал в Узушио пешком во время муссона, завоевал верность острова, сжигая мертвых, сам открыл хранилище Узушио и без посторонней помощи реформировал печать класса S.

У мальчишки хватает наглости подмигнуть ему, как будто это бессмысленно, когда он говорит все сразу, а потом пожимает плечами. "Наверное".

Курама сужает глаза. ~Ты догадываешься?

И прежде чем Наруто успевает придумать ответ, Курама подхватывает маленького мальчишку и с воплем бросает его в воду, подбрасывая листья, траву и лепестки лотоса.

~Какого черта ты, маленький писклявый мальчишка! Ты прошел через ад и обратно, и единственное, что ты можешь сказать по этому поводу, - это "я догадался"? За все десять лет своей жизни ты ни разу не выходил за пределы деревни больше чем на милю!

Кит смеется и извивается так, что может ударить Кураму по шее. "Ты напугал меня до смерти, засранец!" Наруто ворчит. "А я скучал по твоей тупой ворчливой демонической заднице, подай на меня в суд".

И когда Курама смотрит на этого мальчишку, этого сопляка, улыбающегося и все еще вытирающего слезы со своего десятилетнего лица, все, о чем Курама может думать, - это сокровище.

Может, это оно? Он задается вопросом. Все эти разговоры Кушины о любви и семье. Может, это и есть то самое чувство?

Если это так, то теперь он понимает, почему она была готова бороться за это. Умереть за него. Сжечь весь мир дотла ради этого.

Это меньшее из того, на что готов пойти Курама. Это уж точно.